

ЯН ЖЕЛЕЗНЯК

ЕСТЬ ЧТО ВСПОМНИТЬ

В жизни каждого человека наверняка происходят такие события, о которых всегда интересно послушать. Не зря кто-то из великих как-то изрек, что жизнь любого человека — роман, но не на всех есть свой Шекспир. Или что-то в этом роде. Во всяком случае, я убежден, что если по жизни ты, с божьей помощью, занял активную позицию, то у тебя и череда всевозможных интересных событий чаще, и есть что рассказать, ничего не придумывая.

Эта история произошла в уже очень далеком 1966 году, когда мне выпало счастье в составе сборной команды СССР впервые попасть на чемпионат мира в Федеративную Республику Германии. Это была моя первая поездка в капиталистическую страну. А в те далекие и очень необычные годы подобное событие было нечто особенное.

Тогда каждый гражданин, выезжающий за рубеж нашей необъятной и очень политизированной Родины, считался потенциальным изменником, и поэтому проходил очень строгий контроль на верность. Проворвалось все — от родословной до многоликого морального облика.

Завершалась подобная гарантия верности — партийной, профсоюзной и административной — печатями, и с объемным пакетом всевозможных анкет.

Счастливые обладатели положительного решения формировались в делегацию, руководство которой усиливалось никому не известными, но всевидящими людьми в штатском, которых остерегались и "которых знали только в лицо", на одну, возможно, и последнюю в жизни поездку за границу.

После достаточно объемных инструктаж по правилам хорошего тона, включающих умение вести себя в общественных местах, умение пользоваться многочисленными столовыми приборами, умение правильно принимать пищу, одеваться, соблюдать правила гигиены "и прочая, и прочая", мы были осведомлены о возможных провокациях. Провокации как со стороны эмигрантских организаций, так и со стороны иностранных разведок. Мы должны быть готовы достойно противостоять всей этой напасти.

Ведь мы как-никак становились представителями Великой страны, очень отличающейся от всех и, как нас убеждали, в лучшую сторону. Мы становились ответственными носителями нашей коммунистической идеологии, нашего социалистического образа жизни, всего того, о чем так мечтают народы других стран.

И мы несли, часто попадая в довольно абсурдные комические ситуации.

Немцы проводили прекрасный чемпионат. Спонсоры не жалея денег на великолепные призы, которые приводили в недоумение наших чемпионов. Дело в том, что в те годы для советских людей пределом мечтаний были сказочные и недоступные для нас тогда еще бобинные (в отличие от будущих кассетных) магнитофоны знаменитых фирм "Грюндиг" и "Телефункен". Никто и предположить не мог, что через какое-то время видеопроизводство начисто сметет в небытие эти аудиосказки. Но тогда... Тогда для всех нас они были как бы символом недоступной цивилизации. А тут их вручали за вторые и третьи места. За первое место, к гордости организаторов, дарили удивительные фарфоровые, хрустальные и прочие раритеты. Одному из наших чемпионов досталась огромная тарелка, другому громадная ваза, третьему фарфоровый конь размером с немецкую овчарку. Эти прекрасные призы, больше похожие на музейные экспонаты, были очень дорогие и вызывали восторг и зависть у всех окружающих, но не у наших чемпионов. Они хотели магнитофоны.

Ну, не работало тогда в сознании многих советских людей понимание

реальных ценностей. Шальная мысль: а почему я не занял призовое грюндиг-телефункенское место? — нет-нет, да и посещала непрактическую голову. А тут еще и подначки неудачников соревнований. А что тем оставалось делать? Только шутить.

Когда мой всегда слегка угрюмый товарищ, более старший по возрасту Володя Веселов (его имидж абсолютно не соответствовал его фамилии) выиграл золотую медаль в стрельбе по "бегущему кабану", самому немецкому виду стрельбы, ему на пьедестале почта вручили удивительнейший и, наверно, самый роскошный приз — старинную фузею. Это было ружье с громадным раструбом на конце ствола, с изумительной инкрустацией и резьбой, в великолепном состоянии, как будто ее только-только изготовили. Это было настоящее произведение искусства, вызывающее всеобщее восхищение.

Но мы же советские люди! Переговоры с прикрепленным к нам местным переводчиком проходили как бы в режиме секретности от идеологического руководителя нашей делегации. Последствия могли быть очень плачевными для нашего спортивного будущего. И не только спортивного.

Немец-переводчик никак не мог понять, почему эти непредсказуемые русские хотят заменить очень редкий и ценный приз на элементарную радиотехнику, которой полно в магазинах. Нет! Не дано им нас понять! Да и нам сегодняшним смешно за нас тех, чуть недоразвитых и хорошо закомплексированных.

Тем не менее, я все же сделал робкую попытку уговорить Вовку оставить себе фузею. Память как-никак.

— А на хрена она мне? На стенку вешать?

Вопросы отпали, когда переводчик с виноватым видом принес очень крупную для нашего понимания сумму денег, повергнув в замешательство чемпиона. Это уже было на грани фола и пахло серьезно наказуемой так называемой валютной операцией.

— Нам не деньги нужны, а магнитофон, — попытался спасти ситуацию Вовка.

— На эти деньги вы купите себе любой магнитофон. И не один, — парировал переводчик, чей виноватый вид годы спустя мы объяснили не совсем реальной ценой, вырученной за фузею.

Но тогда эта непривычная масса валюты больше пугала хозяина, чем радовала. А внутренний голос требовал быстрее от нее избавиться, от греха подальше.

— Завтра едем за покупками. Чтоб никто не знал. Только ты и я. Хорошо, что ты еще можешь кумекать по-ихнему, — явно польстил мне Вова.

Соревнования проводились в очень известном городе-курорте Висбаден. Команды стран-участниц размещались в разных гостиницах.

Нам повезло. Наша команда жила в изумительно красивом месте в горах за городом, куда вела одинокая автодорога без тротуара, серпантинном лежащая между обрывом и скалами, густо заросшими всякой зеленью, от громадных деревьев до ягодных кустов и густой травы, среди которой то тут, то там появлялась разная непуганая живность: кабаны, косули, фазаны. Тишина, покой, пение птиц создавали впечатление, что мы попали в какой-то природный рай. И имя ему было Шлягенбад. Это слово я запомнил надолго.

Прелестью этого места, а для нас, скорее, недостатком, было то, что до ближайшего магазина можно добраться только на машине. Но за нашей командой был закреплен микроавтобус, который возил организованные группы на "отоваривание" в город, и в определенное время с определенного места — назад.

Соревнования закончены. Голова свободна. Завтра самолетом домой. Набив до упора автобусик, нас,

одетых, "как положено", в пиджаки и галстуки, повезли по серпантину в город мимо одиноко стоящей на полпути гостиницы "Вальдфройнд", где жили спортсмены Германской Демократической Республики (ГДР), страны социалистического лагеря, которую здесь не любили и называли Восточной Германией.

Нас везли туда, где мы окунулись в неведомый для советского человека мир изобилия.

Глаза разбегались от многообразия увиденного. В голове усиленно работал счетчик: как правильно потратить наши скудные карманные деньги, чтобы всем родным и близким сделать заветные заграничные подарки, никого не обидеть. Все на это время становились мини-экономистами с единственной целью — как свести концы с концами. Все, кроме одного.

Вова не знал, на что еще можно потратить оставшуюся сумму после покупки роскошного "Грюндига" со всеми причудами. Уже в больших пластиковых пакетах лежали свитера и кофточки, пальто и безумно модные нейлоновые плащи "Болонья", туфли и женские сапоги, рубашки и галстуки. А деньги еще оставались. Везти их обратно нельзя. Если их обнаружат на таможене, — неприятности гарантированы. При чем серьезные. Вот такими несурзательскими мы были тогда окужены.

Я, как верный Санчо Панса, помогал таскать все эти торбы из магазина в магазин и там с горем пополам хоть как-то переводил с английского и обратно. Но деньги не кончались.

Как назло стояла жуткая жара. Из-за сумок и пакетов, которые перемещались вместе с нами, нас самих уже не было видно. От тружеников-"челноков" конца XX века и жителей курортного города Висбадена мы явно и слишком четко отличались наличием пиджака, галстука и уже прилипшей к потному телу еще белой рубашки. Обязательные атрибуты внешнего облика советского человека за рубежом.

Я с нетерпением поглядывал на часы, как бы подгоняя стрелки ко времени отхода автобуса. Но оно так же медленно таяло, как и деньги в Вовкином кармане. Вот несурзатка! Почти все страдают от нехватки денег, а некоторые — наоборот. Это надо же!

— Все! — прервал мои мысли Вовка, победно держа в руках самостоятельно купленную немецкую бутылку водки с родным названием "Пушкин". Смотри! И переводчик не понадобился.

— Все! — продолжил Вовка. — Едем в гостиницу! Там и обмоем покупки.

— Еще больше часа до отхода автобуса, — устало и без энтузиазма произнес я.

— Какое еще автобуса? Ты что, хочешь, чтобы нас увидели с этим количеством шумток? Ты что?! Заложат вмиг. И пиши пропало. Не увидишь ты больше ни сборную, ни заграничную. Едем на такси. Тем более что со всем этим мы просто не влезем в автобус.

— А ты хоть знаешь, сколько это будет стоить?

— Я оставил десять марок. Хватит. Еще останется.

— А вдруг нет?

— Ерунда! В прошлом году в Каире нас из аэропорта везли. Копейки! А там намного дальше было.

— То Египет, а это Германия.

— Один черт. Заграница.

— Ова! Мы рискуем "влезть в говно".

— Что ты боишься? Ты только поймай такси и объясни по-ихнему, куда ехать. Дальше мои заботы. Я угощаю. Представляешь? Наши тут за копейку удавятся, а ты по Европе на такси. Едешь себе, обозреешь просторы. Будет что вспомнить!

Сказано — сделано! Усталость вмиг пропала, когда мы грузили наш многочисленный багаж в роскошный красавец "Мерседес", проехавшись на котором не могли и мечтать сотни миллионов наших соотечественников в те годы. Да еще и по таким дорогам!..

Предвкушение необычного приятного волновало. Володя, хозяин положения, важно уселся на заднем сидении с остатками багажа, не поместившимися в багажнике, и смачно закурил недоступные в СССР сигареты "Кэмэл". Я, с выданными мне десятью марками в кармане, как переводчик сел рядом с водителем и изрек:

— Шлягенбад!
— Гуд, — сказал водитель и включил счетчик.

Я обомлел. На счетчике сразу выскочила цифра два с двумя нулями. Мы еще не тронулись с места, а уже должны две марки. Две марки дефицитнейшей иностранной валюты!!! Нет! Нам этого не понять. Как еще много тайн в их цивилизации...

Состояние радостного предвкушения приятной поездки как-то резко повернуло свой вектор. Я с нарастающим волнением поглядывал на счетчик, на котором немецкие копейки, пфенниги, закрутились просто с неприличной скоростью. И ежу ясно — денег не хватит.

Я повернулся к Володе и произнес:

— Во-о-ва-а!
Вова молчал. Он уже не был важным, а как-то даже съезжился, уставившись в окно.

— Во-о-ва-а! Ты что, обозреешь просторы? Что будем делать?

— Ничего не знаю. Ты по-ихнему кумекаешь, вот и придумывай.

Теперь я окончательно понял — выкручиваться из этого г* должен только я. Ну и ну!

Что ж? Быть Александром Матросовым нам не привякнет.

Мысль лихорадочно стала искать спасительные варианты. Приехать в гостиницу и там одолжить денег? Нет. Это бесполезно. Во-первых, ни у кого их уже нет. Все потрачено. Во-вторых, это рассекретит себя, а значит, подставит Вовку. Может, вернуться и поехать автобусом? Бред. Во-первых, снова подставить Вовку, а во-вторых — и обратно уже денег не хватит. Во, попали!

Мы едем по серпантину. На счетчике восемь марок, а мы не добрались даже до половины дороги. Мысль вертится стремительно, а счетчик еще быстрее. Что делать?

Вовка совсем потерялся на заднем сидении. На него сейчас никакой надежды. Думай, Железняк, думай! Мы здесь представители великой державы. Нам нельзя оплошать.

На счетчике девять марок! Это какой-то кошмар. Рука сжимает в кармане единственные десять марок. Наш позор катастрофически приближается. Безлюдный серпантин дороги с редкими, но быстрыми встречными машинами, сделал свой очередной изгиб и...

Перед нами, как оазис в пустыне, как островок в море, неожиданно появилась гостиница "Вальдфройнд", наш изумительный шанс.

— Стоп!!! — полупроревел, полупростонал я.

Водитель резко затормозил и очутилось поглядеть на меня. До конца поездки было больше половины!

— Приехали! — выдохнул я.

На счетчике — девять марок девятью пфеннигов!
Водитель что-то стал спрашивать по-немецки, но я услышал только одно слово: "Шлягенбад". На понятной только мне смеси англо-немецко-русского языка я объяснил непонятливому таксисту, что Шлягенбад — это направление движения, а нам нужен "Вальдфройнд". И вообще, я плохо знаю язык. Дал ему смятые десять марок и всем своим видом показал, что сдачи не надо.

Ничего не понимающему, но благоразумно молчащему Вове я тихо, но жестко сказал идти, не оглядываясь, в гостиницу. А сам уже планировал, что с дружественными нам по социалистическому лагерю спортсменами ГДР, которые живут в этой гостинице, мы легко договоримся, и они нас выручат. Надо только, чтобы таксист уехал.

Груженные по самые уши нашим добром, пошли мы с видом людей, которые здесь давно живут и очень хорошо все знают.

Не знаю, что о нас подумал водитель, но он долго смотрел нам вслед, не уезжая.

Впереди идущий Вовка, как назло, не сообразил, в какую дверь идти, и мы вместо дверей гостиницы ввалились со всем скарбом в соседнюю дверь небольшого тихого и очень уютного ресторанчика, ошарашив своим явлением четырех аккуратных пожилых немцев, мирно сидящих в углу за столиком.

Вовка, как всегда, "благоразумно" пропустил меня вперед пред доброжелательно-вопросительные очи местных завсегдатаев. Ну, что за день? Опять надо спасать ситуацию.

— Во-о-ва-а! — не оборачиваясь, полупропел я. — Таксист уехал?

— Стоит, гад.
Так! Назад путь отрезан. Уж очень не хочется попадать под ироничный взгляд таксиста.

Надо что-то говорить. Немцы ждут. Пауза слишком затянулась. И я начал с вопроса. Но то ли от волнения, или все же от слабости моего английского (да и эти немцы, видно, тоже не большие его специалисты), я неправильно составил предложение, и вместо "Здесь живет команда ГДР?" спросил, а немцы поняли: "Здесь ГДР?"

Реакция была молниеносной. Они все вскочили так, как будто к их удобному креслам подвели электричество. Им, для которых страна ГДР была символом зла больше, чем СССР. Страна, которая до войны была частью их родины, а теперь, по их мнению, большой концентрационный лагерь. Им страшно подумать, что здесь может быть ГДР.

Взволнованные четыре пожилых немца подняли такой шум, что я с трудом услышал сквозь крики "Найн! Найн! Бундесrepublik! Найн!" спасительное:

— Таксист уехал.

Мы, мокрые, взбудораженные, но радостные, вывалились на улицу, оставив пожилых людей дальше горячо обсуждать подаренную нами ситуацию и политические проблемы двух Германий. Была бы тема.

У нас, к сожалению, она тоже была. У портье гостиницы я узнал, что дружественные нам стрелки ГДР сегодня утром уехали домой. Это был очередной мини-шок удивительного дня. Последняя надежда таяла.

— Идем пешком! — прозвучал неожиданно решительно голос Володи.

— Как пешком? Со всем этим бархатом, и по горам?

— Нет. По дороге.

— Как по дороге? Нас задавят на первых же метрах. Там категорически нельзя ходить.

— Ерунда! Несколько километров по свежему воздуху — и мы на месте. Знай наших!

— Вова! Это несколько километров риска. Немцы, если нас не задавят, просто обалдеют. Примут за сумасшедших или самоубийц.

— Пусть привыкают!

Та решительность, которой недавно ему так не хватало, лавиной компенсировалась в эти минуты.

— Вова! Давай подумаем.

— Нечего думать. Идти надо. У тебя есть варианты? Нет. Тогда вперед! Хоть будет что вспомнить.

Будет что вспомнить не только нам, но и тем немцам, которые в это время ехали по этой дороге. Вы бы видели их лица! Когда на отличной машине по идеальной дороге на хорошей скорости они спокойно выкручивали из-за очередного витка серпантина, неожиданный вид двух странных созданий в пиджаках и галстуках с несмысленным количеством кулчков, пакетов, коробок, идущих с бравыми песнями вдоль обрыва, заставляя всех без исключения водителей неистово сцепиться руками в руль при абсолютном круглых глазах, отвисшей челюсти, резко тормозить или шараться в сторону от этой процессии.

Такое они, привыкшие к идеальному порядку во всем, не могли представить себе и в страшном сне. А мы, доброжелательно и с вдохновением исполнив весь репертуар известных нам советских песен, безумно уставшие, но счастливые, примерно через час ввалились в свой номер.

И в сказочной тишине райского места под названием Шлягенбад услышали, как подъехал автобус с нашими ребятами, которым, если верить Вовке, и вспомнить будет нечего.